

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ

ГЛАВА I

По следам Родерика Дрюи

Тяжелый полуденный покой царил над необъятной канадской территорией, занятой лесами, полями и озерами.

Лось и олень-карибу, просыпающиеся с первыми проблесками дня раньше всех остальных животных, вдоволь насытились и отдыхали теперь, совершенно недвижимые в преждевременном зное февральского солнца.

Рысь, свернувшись кольцом в своей берлоге среди хаоса огромных камней и скал, терпеливо выжидала момента, когда дневное светило склонится по северному небу к западу и позволит снова выйти на охоту. Птицы, готовые ежеминутно сорваться с ветки, сладострастно ерошили свои перья и были безмерно счастливы под лаской животворного тепла, стонящего с полей последние зимние снега.

Стоял час, когда опытный охотник сворачивает с проторенного следа в сторонку, снимает с себя свою тяжелую поклажу, собирает немного хвороста, раскладывает костер, завтракает, закуривает трубку и в то же время самым напряженным образом приглядывается и прислушивается ко всему тому, что происходит вокруг.

Едва только вы пытаетесь возвысить голос, он подносит палец к губам и начинает быстро бормотать:

— Ш-ш-ш! Молчите, вы! Кто его знает: может быть, совсем близко от нас залег зверь. Теперь — час полного покоя. Если мы сохраним спокойствие, звериная сиеста может продлиться еще час-другой. Я почти не сомневаюсь, что на расстоянии ружейного выстрела от нас отдыхает какой-нибудь лось. В таких случаях ничего нельзя знать...

Вдруг на однотонном фоне застывшей и немой пустыни зашевелилось что-то. В первую минуту глаз уловил только точку, черную точку на светлом скате занесенной снегом горы. Но точка эта начала постепенно расти, удлиняться, шириться, вытягивать лапы, шевелить плечами.

Это был волк.

Большей частью волк, закончив свою трапезу, тяжело и глубоко засыпает. Человек, знакомый с жизнью лесных зверей, скажет вам, что только какая-нибудь исключительная причина может вывести волка из его послеобеденного оцепенения.

Наш волк вдруг почувствовал в воздухе несомненные признаки того, что всего больше и сильнее тревожит обитателей арктических стран: человеческий запах!

Отяжелев от пищи и сна, волк стал медленно спускаться со ската, но видно было, что в любую минуту он может проявить весь свой древний и атавистический инстинкт самозащиты.

Выйдя на протоптанную тропинку, слегка осевшую под тающим снегом, он внезапно остановился: человеческий запах сделался сильнее, и зверь уже знал, что ему надо теперь делать. Он поднял вверх морду, широко раскрыл пасть и зычным, резким криком дал знать своим братьям по лесам и равнинам о надвигающейся грозной опасности.

Утром волк обычно ограничивается подобным сигналом. Ночью он немедленно бросается на человека, и другие волки так же быстро спешат к нему на помощь. Но в сиянии полуденного солнца он, издав тревожный крик, тотчас же, как только почувствует близость человека, опрометью бросается в противоположную от врага сторону.

Однако наш волк не обратился в бегство. Он продолжал нюхать воздух. Впереди него бежала дорожка, довольно широкая и недавно проложенная санями и собаками.

Сани и собаки принадлежали молодому Родерику Дрюи, который совсем недавно выехал из фактории на озере Нипигон и возвращался в цивилизованные страны.

Не эти сани привлекли внимание волка, который все еще стоял, напружинившись, не зная, что делать: бежать или же выждать дальнейших событий. Главная причина тревоги находилась позади него, с северной стороны, откуда ветер приносил подозрительный запах.

К этому запаху вскоре присоединились столь же тревожные звуки. Обоняние и слух одновременно послали грозное предостережение, и тогда волк перестал колебаться, рванулся с места, стремительно понесся по направлению к небольшому леску и через минуту исчез из виду.

На том месте, откуда надвигалась опасность, находилось небольшое замерзшее озеро. На противоположном берегу, на расстоянии мили с четвертью, близ опушки довольно большого леса, неожиданно появился клубок сцепившихся и сбитых в одну кучу собак, тащивших большие сани, за которыми бежал человек.

Полудикие собаки Нортландии часто грызутся между собой даже в пути, и можно было думать, что этот хаос из собак, упряжи, саней и поклажи явился результатом подобной схватки. В продолжение минуты казалось, что человеку никак не удастся выгнать собак на след, но вдруг раздался зычный, повелительный голос, вслед за которым послышался хлесткий звук бича, жалобный визг волкодавов, и, точно по волшебству, тяжелые сани выпрямились, выровнялись, выскочили на дорогу, и собачья упряжка прямой, как стрела, слегка желтоватой нитью пронеслась вдоль полированной поверхности озера.

Человек с замечательной ловкостью бежал вслед за санями. Он был высок, хорошо сложен, и по первому же взгляду в нем можно было признать индейца.

Собаки не успели пробежать и четверти пространства, разделяющего оба берега, как послышались новые крики, и вслед за первыми санями из леса выскочили вторые, которые неслись с такой же безумной прытью, за которыми тоже бежал проводник.

Добежав до озера, второй проводник вскочил на сани, оглушительно крикнул на собак, энергично хлестнул бичом, тотчас же завертел им в воздухе, а затем опустил на головы и плечи своих «рысаков». Обе пары саней почти одновременно достигли правого берега, невдалеке от того самого места, где несколько минут назад волк, подняв тревогу, скрылся в лесу.

Двадцать четыре собаки обеих упряжек были утомлены до последней степени и едва дышали. С каждой минутой они явно замедляли свой бег, и так продолжалось до тех пор, пока обе передовые собаки не остановились чуть ли не в одну и ту же секунду. Через мгновение все остальные собаки упали на землю, широко

раскрыли пасти, высунули языки и окрасили девственный снег кровью, обильно сочившейся из лап.

Оба проводника казались не менее утомленными. Старший из них был чистокровный индеец, прекрасно знакомый с Великой Северной Пустыней. Его товарищу вряд ли минуло двадцать лет, и он был строен и тонок, но мускулы его были сильны и подвижны, как у любого живого существа, выросшего в Пустыне.

Его красивое лицо казалось отлитым из бронзы, что отчасти объяснялось постоянным пребыванием на вольном воздухе. С другой стороны, давала себя знать индейская кровь, обильно смешанная с «белой» кровью, которая текла в его жилах.

Старшего, по имени Мукоки, все знали как лучшего следопыта и самого неутомимого проводника в области. Младшего звали Вабигун, и он был сыном директора фактории Вабинош-Хоуз Джона Ньюсома и очаровательной краснокожей принцессы, причем природа подарила ему лучшие качества обеих рас.

Видно было по всему, что оба человека серьезно озабочены одним и тем же делом. С минуту они не говорили ни слова, тяжело переводили дыхание и напряженно глядели друг на друга.

— Я готов допустить, — прерывающимся голосом начал молодой, — что нам не удастся нагнать их. Ты как думаешь, Муки?

Вместо ответа Мукоки опустил на колени и начал внимательно изучать следы, оставленные санями, которые пробежали раньше их.

Прошло довольно много времени, в продолжение которого он приглядывался ко всем знакам, оставленным полозьями саней, лапами собак и человеческими ногами. Наконец он поднял голову и с тем довольным смешком, которого никому не удавалось сымитировать, произнес:

— Я так думаю, что мы настигнем их! Это дело верное! По моему, там два человека. Проводник и *он* сам! Поклажа тяжелее нашей. Бегут медленнее. Захватим их наверно!

Ваби, не совсем еще убежденный, недоверчиво покачивал головой.

— Но ты забываешь про то, что наши собаки находятся в самом ужасном состоянии. Ты посмотри только, Муки, как их лапы сочатся кровью. Мой передовой пес адски хромает. Что с ним поделаешь?

Действительно, огромные волкоподобные собаки находились в самом жалком состоянии. Весеннее солнце, не растопив окончательно снега, все же уменьшило сопротивляемость снежного покрова, и вот почему несчастные животные чуть ли не на каждом шагу насакивали на острые льдинки, отломившиеся от общей массы льда.

Мукоки внимательнее прежнего осмотрел собак, и лицо его приняло мрачное выражение.

— Да, похвастать нечем... нечем... — проворчал он. — Мы — сумасшедшие люди, вот что я скажу тебе.

Ваби вскричал:

— Это наша вина! Мы сами во всем виноваты! Почему мы не запаслись должным количеством носков для собак? Если я не ошибаюсь, на моих санях их имеется около дюжины, не больше. Их хватит только для трех собак. Клянусь Юпитером, что мы сами виноваты!

Он бросился к своим саням, достал так называемые собачьи носки и вернулся к старому индейцу, который все еще находился в довольно возбужденном состоянии.

— Послушай, Муки, я нахожу, что у нас остался только один выход! — воскликнул юноша. — Нам надо выбрать трех наиболее сильных собак, и кто-нибудь из нас продолжит путь с ними!

Резкие крики людей и хлопанье длинного бича Мукоки подняли на ноги измученных и израненных собак. Три самые большие и сильные собаки были запряжены в сани Ваби, причем предварительно их обули в маленькие мокасины из замши. Еще шесть собак, сохранивших кое-какие силы, были даны им на подмогу.

Через несколько минут животные во всю прыть вновь понеслись по следам Родерика Дрюи. Рядом с санями, желая, насколько возможно, облегчить груз, бежал Ваби.

Погоня началась в полночь, спустя восемнадцать часов после отъезда Родерика из Вабинош-Хоуза. За полночи и утро удалось почти нагнать расстояние, отделявшее их от человека, которого они искали.

За все это время ни люди, ни собаки почти не отдыхали. Они неслись по горам, озерам, мрачным лесам, голым полям и снежным равнинам, не отрывали взора от следа, который все еще бежал впереди них, все время оставались без пищи и воды и лишь изредка глотали снег, для того чтобы хоть немного освежить горло.